

та в прошлом, а реконструкция хозяйства, быта и культуры этих народов освещена в специальном, весьма содержательном заключении (стр. 350—358). В нем удалось хорошо показать особенности хозяйственной и культурно-просветительной работы, развернувшейся на Севере в советский период, в результате чего народы Севера преодолели унаследованную от прошлого отсталость.

Однако чрезмерно сжатый характер изложения материала привел и к некоторым недочетам. Отдельные явления общественной жизни описываемых народов оказались не раскрытыми. Трудно уяснить например, каков же был патриархально-родовой строй у бурят в XVII в., в чем выражались у них элементы феодальных отношений (стр. 303—304). То же следует сказать и о родовых пережитках у якутов; авторы ограничились простым упоминанием о них.

В работе отсутствует разъяснение сущности шаманства, хотя в отдельных разделах описываются различные типы этого культа. Очень скудны сведения о фольклоре, изобразительном и танцевальном искусстве, в некоторых разделах они совсем отсутствуют. В книге даже не упоминается о подражательных танцах народов северо-востока, о своеобразных зачатках пиктографической письменности у юкагиров, коряков. Несмотря на то, что именно юкагиров авторы считают древнейшим населением северо-востока Сибири (стр. 292), особенности их хозяйства, культуры и быта не описаны, а сведения о них крайне фрагментарны. Отсутствуют в очерке «Народы Сибири» материалы о хозяйстве и культуре алеутов Командорских островов. Все это несколько обеднило ценную работу. Встречаются и неясные по изложению места. Едва ли читатель сможет уяснить себе конструкцию якутской юрты из следующего описания: «...Балаган — квадратная постройка из стойком укрепленных бревен, слегка наклоненных внутрь, с очень пологой двускатной бревенчатой крышей, засыпанной землей» (стр. 309). Как же все-таки держатся стены? У ненцев почему-то описана только мужская одежда.

Трудно понять из описания, приведенного в книге, значение каяка. «Каяк — крытая, как правило одноместная (разрядка наша. — *Рецензенты*), лодка, служащая для переездов целых семей, перевозки грузов и т. д.» (стр. 347). Здесь явное противоречие.

Отметим некоторые фактические неточности. К приходу русских в XVII в. якуты жили в верховьях Яны, а не на Средней Яне, как указывается в работе на стр. 308. На стр. 315 сообщается, что в Якутске открыты университет и ряд других высших учебных заведений. В действительности в Якутске из высших учебных заведений имеется только университет.

В приложенной к очерку «Народы Сибири» карте современного расселения народов Сибири также есть досадные неточности. Основная масса тундровых юкагиров, сохранивших свой язык, обитает между реками Чукочьей и Алазеей, но на карте в этом районе помечены эвены и чукчи. Не показана на карте и паланско-тигильская группа эвенков.

В целом же очерк «Народы Сибири» заслуживает высокой оценки: авторам удалось в сжатой доступной форме показать основные особенности культуры и быта отдельных народов Сибири.

Подводя итоги, следует сказать, что книга «Азиатская часть СССР», представляющая третий выпуск серии «Очерки общей этнографии», издание которой осуществляется Институтом этнографии Академии наук СССР, явилась очень полезной работой научно-популярного типа и для советских и для зарубежных читателей.

Надо пожелать, чтобы был скорее опубликован выпуск той же серии, посвященный народам Европейской части СССР, чтобы читатели могли составить цельное представление обо всех народах, населяющих Советский Союз.

И. Гурвич, Л. Моногорова, Я. Смирнова.

НАРОДЫ АФРИКИ

J. S. Trimingham. *Islam in West Africa*. Oxford, Clarendon Press, 1959, X+262 стр.

Значительное место, которое занимает ислам в жизни многих народов современной Западной Африки, неоднократно привлекало к нему внимание исследователей. В частности, попытка рассмотреть западноафриканский ислам в целом, не ограничиваясь пределами отдельной страны, была сделана Дж. Гринбергом в 1945 г.¹ Новая работа Дж. С. Тримингэма, выпустившего ранее серьезное исследование об исламе в Восточном Судане², примыкает к работе Гринберга, хотя значительно отличается от последней уже самой постановкой вопроса.

В отличие от Гринберга, поставившего перед собой задачу рассмотреть влияние ислама только в религиозной сфере, Тримингэма западноафриканский ислам интере-

¹ J. Greenberg, *The Influence of Islam on the Sudanese Religion*, New York, 1946.

² J. S. Trimingham, *Islam in the Sudan*, Oxford, 1949.

свал прежде всего как культурное и политическое явление. Содержание второй главы оказывается более широким, чем название — «Процесс смены религий», — поскольку речь идет скорее о взаимодействии трех культур — африканской, мусульманской и европейской, чем о взаимоотношениях религий (стр. 21). В этой же главе формулируется и основной тезис, из которого исходит Тримингэм при рассмотрении широкого круга проблем, связанных с исламом в Западной Африке: влияние африканской и мусульманской культур было обоюдным и при их взаимодействии «результатом было не растворение (африканской культуры. — Л. К.), а синтез» (стр. 41).

Последующие главы дают множество подтверждений этого справедливого положения. Так, в третьей главе показано, что даже в религиозной сфере ислам согласуется с прежними верованиями, так как высшие божества, которым поклонялись до Аллаха, сливаются с последним, но в то же время такие сверхъестественные существа, как ангелы, не получают места в религиозных представлениях мусульман. Африканца из-за того, что они совершенно не связаны с его представлениями о повседневной жизни и быте (стр. 55). Такое же сочетание старых и новых взглядов обнаруживается и в области морали (стр. 63).

Влияние африканской среды сказалось и на самых распространенных мусульманских установлениях, которые в условиях Западной Африки получили очень отличные от других областей формы. Например, по пятницам после проповеди производятся публичные толкования Корана (стр. 72), а в Масине каждая арабская фраза проповеди переводится на язык сонгай, фульбе и сонинке (стр. 73). Мусульманский лунный год, применяемый в общественных и культовых делах, не смог вытеснить солнечный год из хозяйственной практики (стр. 75).

Интересен экскурс в четвертой главе, посвященный мусульманскому духовенству: Тримингэм показывает его кастовость и алчность, полнейшую закостенелость его мысли. С этим экскурсом перекликается и утверждение о глубоком сословном эгоизме западноафриканских мусульманских законовевов (стр. 140). Но характерно, что самостоятельной политической и социальной силой мусульманское духовенство не стало, поскольку в западноафриканской системе феодального землевладения почти совершенно отсутствовали вакфы, т. е. церковное землевладение.

В главах пятой, шестой и седьмой показывается устойчивость традиционных африканских верований, доисламской государственной и общественной структуры и быта. Примечательно, что распространение ислама шло сверху, низшие же слои населения долгое время упорно держались старых верований (как, например, хаусанского культа духов — *bori*). Правящий класс государств, возникших под лозунгом джихада в начале XIX в., использовал ислам для закрепления и оправдания своего господства. Но возникшая в этих государствах административная и социальная система вовсе не обязательно вытекала из принципов ислама (хотя ислам и оказал немалое влияние на ослабление такой формы общественной организации, как патриархальная семья). Наоборот, во многих случаях авторитетом ислама просто санкционировалась сложившаяся социально-экономическая структура общества; не случайно ислам вовсе не оказал влияния на развитую и устойчивую (феодалную. — Л. К.) систему государств тукулеров и волофов (стр. 136). Не смог ислам уничтожить в западносуданских обществах и касты, например, касты кузнецов в Вадаи или у хауса. Как правило, в мусульманских государствах (за исключением поздних) правитель, даже принявший ислам, в полной мере сохранял все функции, вытекавшие из доисламских верований (стр. 139). Редко применялась мусульманская система податного обложения, в тех же случаях, когда она и применялась, как, например, в теократических государствах XIX в., практика почти никогда с ней не совпадала, и в налоговой системе царил произвол (стр. 147).

Важное место занимает в книге восьмая глава — «Влияние ислама в экономической сфере и в области материальной культуры». Здесь снова с особой силой подчеркивается, что ислам внес сравнительно незначительные изменения в развитие хозяйственных отношений в Западном Судане. И даже в случаях, когда, например, изменения в земледельческом хозяйстве в какой-то мере совпадали с требованиями мусульманской теории, эти изменения были обусловлены прежде всего внутренними экономическими причинами (стр. 188—189). Еще меньшим было влияние ислама на экономику кочевников; здесь нельзя не вспомнить замечание В. В. Бартольда об отношении кочевников к исламу³. Тримингэм справедливо отмечает, что влияние ислама более всего проявилось в сфере торговли. Но он совершенно обходит вопрос о роли торговых связей в проникновении ислама в районы Западной Африки в раннем средневековье, а между тем этот путь был едва ли не главным в распространении мусульманской религии. Не может не вызвать возражений и преувеличение Тримингэмом роли «представителей средиземноморской цивилизации» (стр. 191) в создании таких крупнейших торговых центров суданского Сахеля, как Дженне или Тимбукту, хотя, конечно, несомненно многие черты сходства этих городов с городами Северной Африки.

В целом материал первых восьми глав книги заслуживает весьма положительной оценки: большой фактический материал рассматривается автором с позиций уважения

³ В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1900, ч. II, стр. 367.

к богатой и самобытной культуре народов Западной Африки. Тримингэм решительно опровергает мнение о заимствованном характере культуры современных мусульманских народов этой части африканского континента; он отмечает, что к моменту появления ислама «западноафриканские общества достигли вполне развитых техники и экономической организации» (стр. 185). Но этим не ограничивается положительное значение книги Тримингэма.

Книга содержит множество свидетельств реакционности колониальной политики европейских держав, ее глубокой враждебности интересам населения западноафриканских стран. Уже во второй главе содержится указание на «сохранение status quo фульбской феодальной системы в Северной Нигерии» (стр. 23) как один из принципов «западной» политики в Африке. Поддержку британской администрацией реакционнейших феодальных режимов в Нигерии иллюстрирует и замечание о том, что Северная Нигерия остается «почти единственной в современном мусульманском мире» страной, где мусульманское право применяется в качестве уголовного права (стр. 151). В то же время автор не скрывает, что в какой-то степени мусульманское право при всей его неприспособленности к местным условиям представляет собой одну из форм оппозиции «управлению Запада» (стр. 149); еще более значительна в этом отношении роль арабского языка, который во многих случаях успешно притовстонт языкам западноевропейским (стр. 84). Тримингэм подчеркивает, что поддержкой самых реакционных общественных сил была отмечена политика любой колониальной державы: «...во Французской, как и в Британской Африке, администрация стремится поддерживать консерваторов против реформаторов» (стр. 220). Очень характерна политика британской колониальной администрации в отношении рабовладения в Нигерии, описанная на стр. 212: «Первоначально были отменены лишь торговля рабами и рабское состояние. Рабы могли оставаться в положении сервов, но оккупирующие власти не стали бы признавать существование раба, столкнувшись с индивидуальными случаями. Некоторые рабы освободились, но прочие сохранили связи со своими хозяевами».

В свете всех этих замечаний и наблюдений совершенно несостоятельной кажется последняя, девятая глава книги — «Влияние Запада». Автор совершенно обходит вопрос о характере и истинных целях колониальных захватов и всей колониальной политики европейских держав. На стр. 204 говорится, что «британцы приступили к завоеванию фульбско-хаусанских государств, как освободители рабов XIX в.». Об истинном отношении британской администрации к рабовладению уже шла речь выше; но буквально в следующих нескольких фразах показано, как англичане закрепили в этих областях Нигерии власть эмиров, основанную на произволе и беспощадном ограблении населения. Французская политика в отношении образования для африканского населения излагается в таком же бесстрашном тоне (стр. 207). И тем не менее, выводы, к которым приводит Тримингэм добросовестное изучение фактов, на каждом шагу противоречат исходным положениям этой главы, независимо от желания и намерений автора.

Кроме неудачной последней главы, книга Тримингэма страдает еще двумя существенными недостатками. Первый из них можно определить, как недостаточную историчность. Правда, автор оговаривается, что сознательно не включил в книгу историческую часть, чтобы не дублировать исследование, специально посвященное истории ислама в Западной Африке (такой труд Тримингэм намерен завершить в ближайшие годы). Но рецензируемая работа серьезно проиграла от этого, ибо многие отмеченные и рассмотренные в ней явления не могут быть поняты без широкой исторической перспективы (кстати сказать, в книге Тримингэма, посвященной исламу в Восточном Судане, исторический очерк занимает почти половину работы). Прежде всего, поскольку ислам не смог глубоко затронуть давно сложившуюся систему верований, представлений и обычаев народов Западного Судана, нельзя объяснить, почему вообще проник ислам в этот район, не рассматривая исторический фон этого проникновения. Автор поэтому вынужден сплошь и рядом делать краткие исторические экскурсы, но их подчеркнуто узкий характер порой создает лишь дополнительные затруднения читателю (это относится, в частности, к материалам о фульбских эмиратах в Нигерии). Ограничение книги нынешним состоянием ислама в Западной Африке искажает историческую перспективу еще и в том отношении, что в наше время (а частично даже еще в XIX в.) ислам в основном утратил свое положительное значение для культуры африканских народов, равно как и для их политической жизни. Однако в XV—XVI вв. новая религия способствовала приобщению этих народов к более развитой культуре народов других мусульманских стран, культуре, в которую африканцы в то время со своей стороны внесли немалый вклад.

Вторым существенным недостатком книги является то, что автор, достаточно полно учитывая западноевропейскую и отчасти американскую специальную литературу, обходит молчанием работы советских исследователей.

Отсутствие общей библиографии создает досадное неудобство при пользовании этой в целом хорошо изданной книгой.

Перечисленные недочеты, конечно, наносят ущерб научной ценности книги. Тем не менее обилие фактического материала, правильный основной тезис и многие здравые и убедительные выводы, сделанные на его основе, несомненно, дают труду Тримингэма право на внимание советских исследователей.